

В основе энергетических проблем Европы лежит конец «долгого века» США

Борьба Белого дома против России, ЕС и Китая сопровождается отказом от фундаментальных норм международного права

Андрей Конопляник

Все проблемы, которые мы сегодня видим на европейском континенте в энергетической сфере, на мой взгляд, связаны с завершением глобального цикла американского доминирования, концом «долгого века» США в мировой экономике.

Долгие века Арриви

В ставшей классической книге Джованни Арриви «Долгий двадцатый век. Деньги, власть и истоки нашего времени» автор выделяет четыре системных цикла глобального накопления: «генуэзский цикл XV – начала XVII века, голландский цикл конца XVI – третьей четверти XVIII века, британский цикл второй половины XVIII – начала XIX века, американский цикл, который начался в конце XIX века и продолжается на нынешней фазе финансовой экспансии» (Арриви работал над своей книгой 15 лет и опубликовал ее в 1994 году). Смена двух последних циклов произошла на переломе веков (рис. 1). Британский цикл завершился глобальными потрясениями – Первой мировой войной.

В качестве событийного начала американского цикла накопления, полагаю, следует считать тайную встречу шести крупнейших тогдашних американских банкиров в конце ноября 1910 года на острове Джекилл Айленд, итогом которой стало образование в декабре 1913 года Федеральной резервной системы (ФРС) США, которая в значительной степени лежит в основе «долгого века» (термин Арриви) США в современной истории.

Два подъема США в XX веке (основа американского цикла накопления – «долгого века» США) были в значительной степени обусловлены двумя мировыми войнами, проходившими в Европе и Азии, но главное – за пределами США, и двумя последовавшими за ними послевоенными восстановительными периодами. США в значительной степени профинансировали и обеспечили материально-техническое снабжение (на основе наращивания своего производства) как идущих за пределами их территории войны, так и послевоенных восстановлений. И то и другое – за счет расширения долларизации мировой экономики на основе ФРС. Можно сказать, что основой «долгого века» США стали циклы «разрушение-восстановление» за пределами США.

После Второй мировой войны нарастание американского доминирования опиралось в существенной степени на наращивание глобализационных тенденций – формирование общих правил игры, минимального, но повышающегося с течением времени в рамках международных институтов стандарта защиты инвестиций и торговли. С одной стороны, это уменьшало риски для международных торговых и инвестиционных потоков, с другой – формирование этих правил продвигало в первую очередь через систему двусторонних соглашений, причем одной из сторон были США, которые, как сильная сторона в таких парах, могли закладывать в них устраивающие их нормы. Первые двусторонние соглашения об избежании двойного налогообложения появились в 1920-х годах, о защите инвестиций – в 1959 году, к началу 2010-х годов общее число и тех и других приблизилось к 3 тыс. Построены они во многом на основе американских модельных соглашений, которые затем переключались в соответствующие многосторонние соглашения, защищающие интересы экспортеров капитала, основным из которых на протяжении «долгого XX века» оставались США, не испытывавшие в этот период разрушительных последствий мировых или локальных войн на своей территории. То есть можно говорить о глобализации во многом по американским лекалам.

Началом конца американского цикла полагаю финансовый кризис 2008–2009 годов. На мировой рынок к тому времени в дополнение к трем традиционным центрам мировой экономики вышли новые крупные, сильные, конкурентоспособные во многих сферах игроки – страны БРИКС, в первую очередь Китай и Индия, страны Юго-Восточной Азии, расширявшие свои конкурентные ниши на мировом рынке за счет более низких издержек на рабочую силу и заимствования технологий низких переделов, но также и нишевых прорывов в отдельных отраслях. Конкуренция резко усилилась. Общие правила игры стали для США уже не фактором доминирования, обеспечивающим конкурентное превосходство на стадии восстановительного роста мировой экономики, но фактором, уравнивающим США и молодых, растущих, агрессивных конкурентов. Ответ на такой вызов может быть двойным: либо бежать быстрее конкурентов, либо «насыпать битого стекла в кроссовки конкурентам», чтобы они бежали медленнее.

И далее наблюдается очевидная логика перехода США от глобализации к регионализации, а затем и к протекционизму, крайними инструментами которого являются санкции и эмбарго, ставшие сегодня для США основным инструментом конкурентной борьбы, а значит, отказ от международного права, на нормах которого выстраивались глобализационные процессы.

Иначе говоря, Соединенным Штатам необходим очередной цикл «разрушение-восстановление» за пределами США для стимулирования своего экономического роста (посредством связки: очередной ленд-лиз плюс очередной план Маршалла) и удержания своего утрачиваемого глобального доминирования. При этом ЕС, как военно-политический союзник США, все время следует в фарватере США, несмотря на то, что действия США в экономической сфере во многом, по сути, направлены против самой Европы, ставшей ныне наиболее слабым звеном в глобальной конкуренции.

Триада конкурентных целей США

Для США существуют три конкурентные цели «на устранение»: Россия, Европа и Китай. США ведут в настоящее время против этой триады долговую целенаправленную стратегическую экономическую операцию, направленную на защиту своего утрачиваемого положения в глобальной экономике. Причем действия США на «европейском фронте» направлены одновременно против каждого звена триады.

Россия. Создавая дополнительные экономические обременения для России путем втягивания нашей страны в военный конфликт с Украиной и отвлекая на это наши ресурсы, США тем самым замедляют и оттягивают наши возможные технологические прорывы в мирных отраслях и усиление в них наших позиций на мировой арене. Создавая препятствия для поставок наших энергоресурсов в Европу, США, как непосредственно через свои санкционные законы, так и через антироссийскую санкционную повестку со стороны руководства Евросоюза и стран ЕС, рщасячают путь

для поставок в Европу своего более дорогого сжиженного природного газа (СПГ) вместо более дешевого чистого, чем СПГ США, российского трубопроводного газа. Тем самым формируется рынок для рентабельного сбыта СПГ США в Европе.

Европа. Введение ограничений на поставки российских энергоресурсов в ЕС при рукотворно сформированном внутреннем энергетическом рынке ЕС, построенном на ценовых ожиданиях биржевых игроков (торговцев и перепродавцов энергоресурсов на виртуальных торговых площадках), взвинчивает цены на ожидания дефицита поставок извне ЕС (достаточной замены российским энергоресурсам нет и не предвидится по существовавшим в условиях российских поставок ценам). Тем самым резко снижается рентабельность (вплоть до закрытия производств) энергопотребляющих – в первую очередь энергоемких – отраслей европейской обрабатывающей промышленности, которая в значительной части, особенно в странах Старой Европы, ориентирована на экспорт, на мировой рынок (где конкурирует в том числе с продукцией обрабатывающих отраслей США). Значит, эти европейские производства либо выводятся с мирового рынка (если закрываются и банкротятся), либо теряют свою конкурентоспособность из-за резкого роста энергетической составляющей в издержках. Это с одной стороны. С другой стороны, европейский бизнес, поставленный перед необходимостью выживания, начинает перемещаться из Европы туда, где сходные условия предпринимательской деятельности, сходная ментальность предпринимательской среды, но более низкие энергетические цены. А это – surprise-surprise – США. След за закрытием производств в ЕС и их переводом/переносом в США туда же перетекает и квалифицированная рабочая сила, обслуживающая эти производства. Тем самым позитивные эффекты домино прямых и мультипликативных производственных эффектов выводятся из ЕС и запускаются, но уже в США, обеспечивая американский экономический рост. В итоге ЕС устранился как конкурент США в глобальной экономике. Ничего личного, только бизнес.

Китай. Европа является важнейшим экспортным рынком для Китая. Сжатие европейского рынка из-за целенаправленного отказа ЕС от более дешевых российских энергоресурсов и их замены на более дорогие альтернативы (в первую очередь на СПГ США) означает сокращение европейского спроса на китайскую продукцию, замедление экономического роста Китая, который США рассматривают в качестве своего ключевого глобального конкурента.

А дружественная США Европа оказывается в этой конкуренции самым слабым звеном, которое принорит в жертву решению прагматической внутренней американской задачи, которая является основой для любого американского президента – America First! (Америка прежде всего).

США: оторвать Европу от России

Для нового подъема (удержания от упадка) США нужна новая мировая война за пределами США плюс разрыв Европы и России, недопущение объединения их ресурсов. Эффективным инструментом для этого является спланированное (предисанное) еще Збигневом Бжезинским в его вышедшей в 1997 году «Великой шахматной доске» столкновение Украины и России.

В предельно недвусмысленной форме тезис о необходимости для США отрыва Европы от России выразил, например, Джордж Фридман, основатель

Рис. 1 Путь либерализации мировой торговли.

частного разведывательного агентства «Стратфор» (которое зачастую называют «теневым ЦРУ»). На конференции The Chicago Council on Global Affairs 4 февраля 2015 года он заявил (и я полностью разделяю это его высказывание): «Конечная цель США заключается в строительстве «Междуморья» – территории между Балтикой и Черным морями, концепцию которого придумал еще Пилсудский. Для США первая цель – не допустить, чтобы немецкий капитал и немецкие технологии соединились с русскими природными ресурсами и рабочей силой в непобедимую комбинацию. ...США работают над этим уже целый век... Козырь США, бывший такую комбинацию, – линия разграничения между Прибалтикой и Черным морем... Россия и Германия, действуя вместе, становятся единственной силой, представляющей для США существенную угрозу».

Для справки. Нынешней реинкарнацией проекта «Междуморье» Пилсудского является инициированная США в 2014-м и формализованная в 2016 году в качестве межгосударственной инициативы поначалу двух (Польша и Хорватия), а ныне 12 восточноевропейских государств «Инициатива трех морей», предрасполагающая формирующиеся вертикальные инфраструктурных коридоров на востоке ЕС. В частности – вертикального газотранспортного коридора «север-юг», который свяжет приемные терминалы СПГ на севере (Балтика) и на юге (Эгейское, Мраморное и Адриатическое моря) для доставки регазифицированного американского СПГ, насыщенного чистыми «молекулами свободы» с севера и юга в страны Восточной Европы для замещения «недемократического» российского трубопроводного газа, насыщенного грязными «молекулами диктатуры и авторитарии». А врезав вертикальный газовый коридор «север-юг» в горизонтальный украинский транзитный газовый коридор «восток-запад» для российского газа к западу от западноукраинских подземных газохранилищ (ПХГ), регазифицированный СПГ США получает возможность поставляться дальше

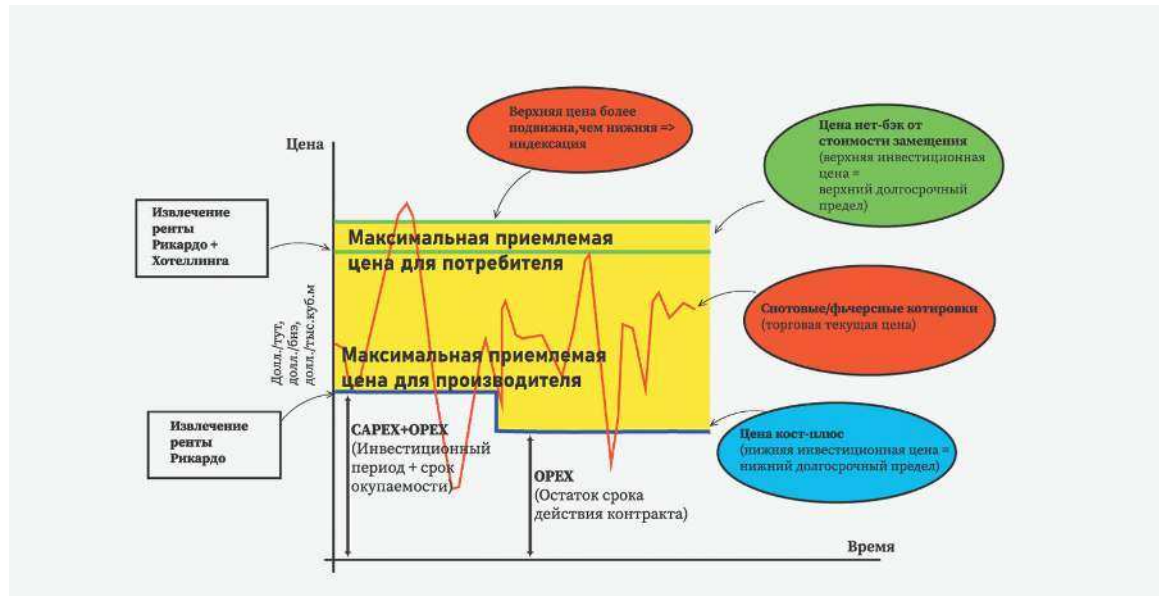

Рис. 2 Диапазон «цен отсечения» (приемлимых цен для производителя и потребителя).

на запад, в глубь ЕС, по действующей и построенной под российские поставки газотранспортной системе (ГТС). Используя положения законодательства ЕС (Третьего энергопакета) об «обязательном доступе для третьих сторон» (МТРА) к объектам инфраструктуры и принципе ее эксплуатации «используй или теряй» (UfOPL).

Такая врезка уже состоялась 26 августа завершением строительства газопровода-интерконнектора Польша-Словакия, соединенного со словацкой ГТС, то есть с продолжением украинского транзитного коридора, в районе диспетчерского пункта «Велке Капушаны». Доступ же к западноукраинским ПХГ (которые с 2017 года работают в режиме таможенного склада) необходим, чтобы, с одной стороны, сглаживать дискретный характер поставок СПГ, с другой – иметь возможность оказывать влияние на ценовую конъюнктуру на торговой площадке в Баумгартене (Центральноевропейском газовом хабе) – ключевом центре ценообразования для Центральной и Восточной Европы и распределительном центре потоков российского газа, идущих по украинскому газовому коридору (часть газа уходит от Баумгартена на юг, через Австрию, в Италию, часть – дальше на запад, через Чехию, в Германию и Францию).

Потолок цен

В ходе стратегической операции США по удержанию своего глобального доминирования происходит постепенный отказ от всех тех правил игры, которые выстраивались на предыдущих этапах развития мировой экономики в рамках послейлтинского миропорядка и мироустойчивости, в условиях нарастающей до недавних пор глобализации, до тех пор пока на мировую арену не вышли новые сильные игроки, которые стали теснить или создавать трудности для дальнейшей экономической экспансии США.

Одним из наиболее ярких примеров такого отказа является чисто «техническое» на первый взгляд предложение о введении потолка цен на поставляемые Россией на мировой рынок энергоресурсы. Я же вижу в нем более глубокие смыслы – речь не только и не столько о допустимом уровне «цены отсечения», обеспечивающем или не обеспечивающем рентабель-

ности, уровень «цены отсечения» (издержек добычи и доставки) для нефти/газа в Европу или на иные рынки, чтобы на этом уровне ввести ценовые ограничения.

Решение о введении потолка цен (пока страны Запада не нашли инструментального решения, но важен сам факт принятия такого решения) означает для меня отказ от такого основополагающего принципа международного права, как неотъемлемый (перманентный) суверенитет государств на свои природные ресурсы. Этот принцип закреплен в Резолюции Генеральной Ассамблеи ООН № 1803 от 16.12.1962, затем воспроизведен во многих иных международных документах.

Три уровня цен и механизмов ценообразования

Небольшой экскурс в теорию ценообразования на невозобновляемые природные ресурсы (НВЭР). Существует три уровня цены на НВЭР (рис. 2). Первые две – для срочных контрактов на рынке физической энергии, это две инвестиционных цены.

Нижняя инвестиционная цена – цена самоокупаемости, которая покрывает все издержки по добыче и транспортировке до покупателя (капитальные, эксплуатационные расходы, издержки заемного финансирования) плюс приемлемая норма прибыли с учетом всех рисков. Эта цена дает возможность извлекать так называемую ренту Рикардо, то есть разницу между уровнем издержек месторождений, расположенных в разных природных условиях.

Верхняя инвестиционная цена привязана к стоимости замещающего энергоресурса. Поэтому, например, вся так называемая нефтяная/нефтепродуктовая индексация в газовых контрактных формулах означает привязку цены газа к замещающим энергоресурсам – нефти (в Азии) и нефтепродуктам (в Европе). Это придумали голландцы в 1962 году (так называемая Гронингенская формула долгосрочного экспортного газового контракта). До них этот принцип применяли компании Международного нефтяного картеля (МНК) в 1950–1960-е годы, в период восстановительного роста в Западной Европе, на основе плана Маршалла, когда активно продвигали моторизацию Европы и замещали мазутом (из добываемой МНК ближневосточной нефти) западногерманский уголь в западноевропейской электроэнергетике. Поэтому ценообразование по цене замещающего энергоресурса – это уже извлечение не только ренты Рикардо, но и ренты Хотеллинга (на основании теории 1931 года американского экономиста Гарольда Хотеллинга).

Третья – это торговая цена, которая относится к рынку розовых и/или фьючерсных сделок как с поставочными, так и с беспоставочными контрактами. Она построена на ожиданиях движения биржевых цен перепродавцами – торговцами или спекулянтами. Они не несут инвестиционных рисков. Будучи построены на ожиданиях игроков, не осуществляющих инвестиции, эти цены могут шарахаться куда угодно. В том числе можно поднимать цены выше уровня, определяемого извлечением ренты Рикардо и ренты Хотеллинга, то есть формировать не только для продавцов (торговцев и спекулянтов, не несущих инвестиционных рисков) и для производителей (несущих инвестиционные риски) дополнительную ценовую ренту.

Резолюция № 1803 принималась Генассамблейей ООН в 1962 году, когда на рынке нефти действовали только две инвестиционные цены, развитие рынка спотовых сделок не было – он стал активно развиваться только десятилетие спустя, а биржевая торговля энергоносителями – два десятилетия спустя. Поэтому, если руководствоваться положением о суверенитете государств на свои природные ресурсы, разница между верхней ценой (тогда – инвестиционной, а теперь верхней торговой, если она превышает верхнюю инвестиционную цену) и издержками, то есть природная ресурсная рента, принадлежит народу принимающей страны, то есть государствам – собственникам энергетических ресурсов, в недрах которых они залегают и на территории/акватории которых они разрабатываются.

Поэтому для меня «увидеть за деревьями лес» означает – разглядеть за предложением «семерки» осознанное и инициированное США предложение добиться получения права для третьих стран, стран-потребителей, не располагающих достаточными собственными природными ресурсами, распоряжаться природной ресурсной рентой суверенных государств помимо желания и воли самих суверенных государств – собственников этих ресурсов. Сегодня целью является Россия с нашими огромными природными запасами невозобновляемых энергоресурсов, являющихся материальной основой сегодняшней и завтрашней мировой энергетики. Завтра такой целью, видимо, станет Китай, обладающий или контролирующей столь же значительные природные ресурсы, например, зеленых металлов и редкоземельных материалов, которые могут стать важной составляющей для развития мировой энергетики послезавтрашнего дня.

Вот такая долгосрочная спецоперация США по сохранению своей сжимающейся ниши в мировом хозяйстве за счет России, ЕС и Китая.

Андрей Александрович Конопляник – доктор экономических наук, профессор, советник генерального директора ООО «Газпром экспорт», член научного совета РАН по системным исследованиям в энергетике, профессор Дипломатической академии МИД РФ.